

СТЕКЛЯННЫЙ КОЛОДЕЦ БЕСКОНЕЧНОСТЕЙ

КНИГА 1

ОЛЕГ ДОНИН

Олег Донин

Стекланный колодец бесконечностей

<https://litres.ru/73082973>

SelfPub; 2026

Аннотация

Город, в котором ты живёшь, лишь одна версия реальности. Самая скучная. Но иногда стекло трескается. Тихий звон в пустой комнате. Дождь, падающий куда-то вбок. Отражение, моргнувшее не в такт. Это шёпот разломов.

За ними другие жизни, другие ты. И те, кто охотится за призраками неслучившихся судеб. Твой мир тонкая плёнка накипи в кипящем котле реальностей. И кто-то пробивает в нём дыры.

Всё начинается с одного взгляда в неправильное отражение. С вопроса, на который нет ответа. Только эхо всех возможных ответов сразу. Ты услышишь шёпот. Увидишь тени тех, кто мог бы быть тобой.

И тебе предстоит выбор: отвернуться или шагнуть в разлом. Узнать, что Колодец, в который смотрели смельчаки, это не источник мудрости. Это глаз. И он давно смотрит на тебя.

Пришла пора посмотреть в ответ.

Содержание

Глава 1. Замыленный кадр	4
Глава 2. Параноик, конспиролог и браслет из фольги.	25
Глава 3. Шепот в каплях	39
Конец ознакомительного фрагмента.	44

Стеклянный колодец бесконечностей

Глава 1. Замыленный кадр

*Внимание – это лучший резец. Им можно
вырезать окно в любой стене. Даже если за стеной
– другая стена.*

Жизнь Андрея Гордеева была похожа на идеально отрендеренную голограмму идеальной пустоты. Каждый день воспроизводил предыдущий с клинической точностью – от шестичасовой вибрации будильника в телефоне, до вечернего полубессознательного скролла ленты, где лица друзей смешивались с рекламой и мемами в единый поток цветного цифрового шума. Это был покой без мира, тишина без безмолвия. Иногда, в редкие проблески между работой и сном, ему казалось, что он забыл какую-то простую, основополагающую вещь – вроде того, как дышать полной грудью или смотреть на дождь, не думая о том, что он промочит обувь.

Он был хорошим дизайнером. Очень хорошим. Умел раскладывать красоту и эргономику на семантические слои, виртуозно жонглировал инструментами графических редакторов. Его работы выигрывали конкурсы, а клиенты цени-

ли его за то, что он никогда не вкладывал в проекты ничего личного, отсекая эмоции, как скальпелем. Он продавал не искусство, а безупречно функционирующие визуальные механизмы. И его собственная жизнь стала таким же проектом – удобным, стильным и абсолютно безжизненным.

Перелом случился в среду. Обычную, серую, сеньябрьскую среду.

Андрей возвращался с презентации – еще один успех, еще одна улыбка и крепкое рукопожатие, после которого хотелось вымыть руки. Он шел по набережной, не замечая свинцового отлива Невы, прикрывая лицо воротником куртки. Мысль была одна: дойти до дома, снять тесные туфли и отключиться. И вдруг – он споткнулся.

Не о бордюр и не о трещину в асфальте. Он споткнулся **о взгляд прохожего**.

Мужчина лет пятидесяти, в поношенном пальто цвета мокрого асфальта, шел навстречу. Их глаза встретились на долю секунды. И в этих глазах Андрей увидел не привычную городскую пелену усталости или равнодушия. Он увидел **панику**. Чистую, животную, абсолютную панику, направленную немим вопросом, будто человек узнал в Андрее кого-то страшного или, наоборот, единственного, кто мог бы помочь. Это длилось мгновение. Прохожий резко опустил взгляд, ускорил шаг и растворился в толпе у выхода из метро.

Андрей замер. В ушах зазвенела внезапная, оглушительная тишина, будто все городские звуки выключили по щелч-

ку. Сердце глухо ударило один раз, отдаваясь в висках тяжелой волной. Он привык анализировать эмоции – и свои, и чужие – как палитру RAL: вот «оттенок легкой досады», вот «полутон профессиональной симпатии». Эта паника не имела номера. Она была чужеродной. Дикой. Как запах грозы посреди арктической зимы.

Он тряхнул головой, пытаясь вернуть себе привычную картинку. «Не выспался. Переутомление. Просто городской психоз», – прошептал он мантру современного человека. Но щелчок уже произошел. Голограмма дала сбой.

Вернувшись в свою стерильную квартиру студию-лофт, Андрей не смог заставить себя включить компьютер. Он стоял у панорамного окна, смотря на вечерний город, залитый оранжевым светом фонарей. И вдруг, он это заметил. Дождь.

Он видел дождь тысячу раз. Но сегодня... сегодня он **не падал вниз**.

Тонкие струи сентябрьского дождя, пойманные в свете уличного фонаря прямо напротив его окна, изгибались под необъяснимым углом. Не от ветра – ветра не было. Они не струились, а скорее **вытекали** из какой-то невидимой точки в пространстве, примерно в метре от козырька подъезда, растягиваясь в длинные, дрожащие нити и уже потом устремляясь к земле. Это было крошечное нарушение физики, почти незаметное, если не вглядываться. Но Андрей вгляделся. И увидел, как в месте этого «излома» реальности воздух слегка искажается, словно над раскаленным асфальтом, и в ушах

снова возник тот самый высокий, едва уловимый звон – тихий, мелодичный, абсолютно не от мира сего.

Он отпрянул от окна, сердце бешено заколотилось. Звук пропал. Дождь снова падал ровными, прямыми линиями. Все как всегда.

– Галлюцинации, – громко сказал он пустой квартире. – Пора в отпуск. На море. Где много солнца и нет этой... этой проклятой осенней гнили.

Но внутри уже что-то шевельнулось. Не страх. Что-то другое. Щемящее, забытое. **Любопытство**.

На следующий день пришло почтовое извещение из конторы в которой работал отец. Послание от его отца, Владислава Гордеева, известного археолога-«полевика», пропавшего без вести два года назад во время частной экспедиции в Карелию, пришла бандероль. Отец оставил указание: передать сыну, если он не объявится в течение 24 месяцев.

В коричневом почтовом пакете не было письма. Не было объяснений. Там лежал единственный предмет, завернутый в холщовую ткань.

Андрей развернул ее на своем безупречно чистом рабочем столе.

Это был **осколок**.

Не стекла и не горного хрусталя. Он был толщиной с ладонь, неправильной формы, и материал его был непостижим. Он не отражал свет, а будто **вмещал** его в себя, удерживая где-то в глубине тусклое, мерцающее свечение, похожее на свет далекой звезды. Поверхность была гладкой и холодной, но стоило прикоснуться к ней подушечкой пальца, как в висках возникало легкое, навязчивое жужжание, а перед глазами проплывали смутные тени – обрывки лиц, очертания незнакомых зданий, быстрые, как вспышки.

Андрей взял осколок в руки. Холод немедленно просочился сквозь кожу, влился в кости, достиг самого позвоночника. И в этот миг он **увидел**.

Не глазами. Каким-то иным зрением, спавшим глубоко внутри.

Свою студию – но не такую, какая она была. Воздух в ней дрожал, как нагретый, и был пронизан миллиардом тончайших, переливающихся всеми цветами нитей. Они тянулись от каждого предмета – от чашки, от стула, от монитора, – сплетаясь в сложный, пульсирующий узор. От него самого тоже исходили нити. Одни, толстые и тускло-серые, уходили в пол, в глубину квартиры, в экран телефона. Другая, тонкая и почти порванная, – туда, на север, где пропал отец. А одна... одна, невероятно яркая, цвета расплавленного золота и синей бездны, билась прямо перед ним, уходя в никуда, в саму стену, вибрируя от тихого, мелодичного звона. Того самого звона.

И он понял, что слышит незнакомую, но почему-то очень близкую **музыку сфер**. Ту самую, о которой писали древние. Она звучала не ушами, а каждой клеткой его тела, и это была музыка абсолютного одиночества и абсолютной связи со всем сущим одновременно.

Видение длилось не более трех секунд. Осколок выпал из ослабевших пальцев и с глухим стуком упал на стол, снова став просто странным куском материала. Свет в нем погас.

Андрей сидел, тяжело дыша, ощущая во рту вкус меди и ещё какой-то незнакомый привкус. Мир вокруг вернулся в привычные, жесткие рамки. Но трещина уже прошла. По голограмме его идеальной жизни пошел коварный, невидимый узор.

Он поднял взгляд на окно. За стеклом, в сумерках, дождь снова вытекал из невидимой трещины в небе. И теперь он знал – это не галлюцинация.

Это был **симптом**.

Болезни. Или пробуждения.

Вечером он позвонил Лике. Она была островком спокойствия в его мире, реставратором, которая возвращала жизнь старым книгам и иконам. Ее голос в трубке был тихим и теплым.

– Андрей, что-то случилось? Ты говоришь как-то... странно.

– Просто устал, – он сглотнул, глядя на осколок, лежащий

на столе. — Лик... ты когда-нибудь чувствовала, что реальность... что она ненадежна? Что в любой момент может порваться, как утончившаяся от времени старая ткань, и за ней покажется что-то совсем другое?

На том конце провода повисла пауза.

— Каждый день, — на удивление серьезно ответила она. — Когда работаешь с веками, это ощущение постоянно. За каждым слоем краски — другой слой, другой взгляд, другая жизнь. Просто мы привыкли видеть только верхний. Самый замыленный. — А если этот верхний слой... начнет отслаиваться сам?

Она снова помолчала.

— Тогда, наверное, надо быть очень осторожным. И смотреть не на то, что уходит, а на то, что открывается. Даже если это страшно.

Они договорились встретиться завтра. Андрей положил трубку. Он был не один. Эта мысль грела.

Собираясь ложиться спать, он снова взял в руки осколок. Свечения внутри не было. Но когда он приложил его к стеклу окна, глядя на искаженный дождь, по поверхности артефакта пробежала легкая, словно живая, дрожь. И на миг в отражении в стекле, поверх его собственного изможденного лица, он увидел другой контур. Женский. Неясный, как дымка. И два глаза, сияющие, как далекие маяки в крошечной тьме.

Он резко отдернул руку. Отражение стало обычным.

Но семя было посеяно. С этого момента его жизнь пере-

стала быть голограммой. Она начала походить на приключенческий квест. Ну а первый шаг в любом квесте – это осознать, что ты внутри него.

Засыпая под тихий стук дождя, который снова падал как положено, Андрей Гордеев думал об одном. О том, что впервые за долгие годы он испугался не за себя, а за мир, который внезапно перестал быть надежным. И в этом страхе, парадоксальным образом, было больше жизни, чем во всех его прошлых «успешных» днях, вместе взятых.

Сон так и не приходил. Он проваливался в короткие, беспокойные забытья, где осколок превращался в дверь, а сквозь нее лился тот самый переливающийся свет, и слышался голос отца, но не из прошлого – а будто из настоящего, напряженный и срочный: *«Не смотри на поверхность, сын. Смотри на швы...»*

Андрей вскакивал, обливаясь холодным потом, хватая со стола холодный артефакт. Тот молчал. В четыре утра он окончательно сдался, налил в стакан виски и уставился в окно на темный город. Ощущение было такое, будто за обычной картинкой – окна, крыши, редкие фары – теперь скрывался гигантский, невидимый механизм, и он, Андрей, случайно задел его рычаг. И механизм медленно, неотвратимо начал двигаться.

К утру пришло рациональное объяснение. Отравление? Синдром хронической усталости? Нервный срыв из-за подсознательного чувства вины за отца? Он ухватился за эти

диагнозы, как тонущий за соломинку. Нужны были факты, данные, анализ. Он достал лупу и стал рассматривать осколок при дневном свете.

Поверхность была не просто гладкой. При определенном угле под солнечным лучом на ней проявлялась **гравировка**. Невероятно тонкая, словно нанесенная иглой атомного диаметра. Многообразие тончайших линий, как в руническом ставе, очень похоже на какую-то **схему** не Земного происхождения. Часть какого-то сложнейшего узора, города-лабиринта или микросхемы. Линии пересекались, образовывали углы, уходили за обломанный край. А в самом центре, в крошечной точке, куда сходились десятки этих линий, было углубление. Совершенно круглое, размером с булавочную головку.

«Опора? Гнездо для чего-то? Ключ?» – лихорадочно соображал Андрей. Он попробовал надавить на углубление ногтем, затем кончиком скрепки. Ничего. Осколок лежал инертно. Но когда он, отчаявшись, отложил лупу, и луч света сместился, ему показалось, что вся схема на миг **подергалась** в глубине материала, словно жилка под кожей.

Его телефон завибрировал, заставив вздрогнуть. Лица.
– Ты жив? – в ее голосе была непривычная напряженность. – В каком-то смысле. Слушай, мне нужно тебе кое-что показать. – Мне тоже. Но сначала скажи... у тебя все в порядке с электрикой? – С какой электрикой? – он растерялся. – С домашней. Счетчиками, проводкой. – Вроде да. А что?

Ли́ка помолчала.

– У меня сегодня ночью... горел свет. Лампочка в большом светильнике над столом, где я обычно реставрирую, помнишь? Не просто горела, а... пульсировала. Ровно, как сердце. И все розетки в комнате тихо потрескивали. Я вызвала электрика, он проверил – все идеально. Сказал, «наведенное напряжение, бывает». Но я... я почувствовала запах.

– Горящей проводки?

– Нет. – Голос Ли́ки стал совсем тихим. – **Старой бумаги.** И ладана. Точь-в-точь как в хранилище рукописей XVIII века. Там пахнет именно так. Этот запах шел из розетки, Андрей.

По спине у него пробежал ледяной мурашек. Совпадение? Массовая галлюцинация? Но его «галлюцинация» лежала у него на столе и была холодной и очень материальной.

– Я скоро буду у тебя, – сказал он. – Сиди дома.

Перед уходом он снова взял осколок. Инстинктивно, не думая, он приложил его к экрану включенного монитора. И замер.

На ярком фоне рабочего стола сквозь полупрозрачный материал осколка проступило **изображение**. Не искаженное, а дополненное. Над иконками папок и графических редакторов, повисли призрачные, едва видимые ярлыки с символами, похожими на гравировку. От самого осколка к экрану тянулся тончайший, мерцающий луч света – тот самый,

что он видел в своем видении. Он вел к одной папке. К той, что была помечена как «Архив. Проекты отца».

Андрей никогда не открывал ее. Слишком болезненно. Теперь он щелкнул по ней. Папка была пуста, кроме одного скана – черно-белой фотографии, сделанной, судя по всему, отцом. На ней был кусок скалы в карельском лесу. И на этом куске скалы – такой же, как у него, **узор**. Только не фрагмент, а целая композиция, высеченная в камне. А рядом с ней, в нижнем углу снимка, стояла дата, сделанная рукой отца: *15.09.2021*. За неделю до исчезновения.

И подпись: *«Лей-узел №3. Интенсивность растет. Колодец рядом. Он не пустой. Он смотрит».*

Колодец. Стекланный колодец.

Андрей откинулся на спинку кресла, пытаясь перевести дух. Рука сама сжала осколок. Холод, проникая в ладонь, теперь не пугал, а наоборот, прояснял ум, обострял восприя-

тие. Он слышал, как с невероятной громкостью тикают часы в соседней комнате, как шумит кровь в собственных ушах, как где-то далеко, за много этажей, плачет ребенок. И сквозь весь этот шум... пробивался **ритм**. Глухой, размеренный, как удар капель в пустую цистерну. Тук. Тук. Тук. Он шел не извне. Он исходил от осколка. От этого круглого углубления в его центре.

Это был пульс. Или... стук в дверь.

Кто-то постучал в его входную дверь. Резко, три раза.

Андрей вздрогнул, обернулся. Ритм в осколке совпал со стуком. Он медленно подошел к двери, не глядя в глазок.

– Кто?

– Андрей Гордеев? – женский голос. Низкий, спокойный, без единой эмоциональной вибрации. – Откройте, пожалуйста. Это касается вашего отца. И вашей безопасности.

Он колебался секунду, потом повернул ключ. В коридоре стояла женщина. Высокая, в длинном темном пальто, с совершенно белым, почти прозрачным лицом. Ее волосы были цвета воронова крыла, и глаза... глаза были слишком светлыми. Серыми, как пепел. В них не было ни паники, ни любопытства, ни даже простого человеческого интереса. Было лишь чистое, безразличное внимание, как у хищника или сканера.

– Меня зовут Элира, – сказала она, и ее взгляд скользнул мимо Андрея, прямо вглубь квартиры, туда, где на столе лежал осколок. – Вы активировали ретранслятор. Это было неблагоразумно. Теперь вас видно. Им. И нам.

Она сделала шаг вперед, и воздух в коридоре вдруг задрожал от того самого тихого, мелодичного звона.

Приключение видимо только начиналось. Дверь в другую реальность, приоткрытая осколком, теперь распахнулась настежь. И за ней стояла не абстрактная магия, а конкретная, очень опасная гостья.

Андрей машинально отступил, пропуская незнакомку внутрь. Его разум лихорадочно работал: «Ретранслятор? Видно? Кому?». Элира прошла в студию, движения ее были плавными и экономичными, будто она не тратила лишнюю энергию на преодоление пространства.

– Заприте дверь, – сказала она, не оборачиваясь. – И закройте шторы. Полностью.

Он, повинувшись, выполнил просьбу. Комната погрузилась в полумрак, освещенная только холодным свечением монитора. Элира стояла перед столом, рассматривая осколок. Она не касалась его.

– Где вы его нашли? – спросила она. – Он пришел по почте. От отца.

– Владислав. Да. – В ее голосе впервые появился оттенок, похожий на сожаление. – Он был упрям. Искал Колодец, чтобы задать вопросы. Нашел больше, чем хотел. – Что такое Ко-

лодец? Что с моим отцом? Кто вы?

– Ответы на эти вопросы связаны, – Элира наконец повернулась к нему. В полутьме ее светлые глаза казались источниками тусклого внутреннего свечения. – Я – наблюдатель. Из места, которое вы бы назвали параллельным миром, тонким планом, Иммурием. Это скорее на другой частоте восприятия. Ваш отец нашел мост между нашими мирами. Вернее, его фрагмент. То, что вы называете осколком.

– А Колодец?

– Источник. Искатель. И тюрьма, – она отвечала загадками. – Это место, где сходятся все «швы» реальности. Тот, кто смотрит в него, видит не будущее, а... все возможные варианты настоящего. И прошлого. Это ломает человеческий разум. Но ваш отец был упрям. Он хотел знать, почему ваша мать умерла. Думал, Колодец даст ответ.

Андрея будто ударили в грудь. История смерти матери – автомобильная авария, стечение обстоятельств – всегда была незаживающей раной семьи.

– И что? Он нашел ответ?

– Колодец не дает ответов. Он задает вопросы. Самые страшные. И привлекает... голодных существ, которые питаются сомнениями, страхом, разорванными возможностями. Демонов Нижнего Мира, как вы бы сказали. Ваш отец стал для них маяком. Чтобы спасти себя и не дать им просочиться сюда, он разбил ретранслятор – основу моста – и рассыпал

фрагменты. Один послал вам. Надеюсь, что вы... не будете любопытны.

Элира взглянула на осколок.

– Но вы были. Вы активировали его вниманием. Вашим страхом. Вашим желанием вырваться из «замыленного кадра». И теперь вы тоже маяк.

– Что мне делать? – выдохнул Андрей, ощущая, как почва уходит из-под ног.

– Научиться управлять вниманием. Видеть швы, а не картинку. И найти остальные осколки, прежде чем это сделают они. Чтобы восстановить ретранслятор и закрыть мост с нашей стороны.

– А отец?

– Если он жив, он по ту сторону. И если демоны найдут его раньше... они выжрут его душу, оставив пустую оболочку, полную отчаяния. Это хуже смерти.

В тишине комнаты вдруг отчетливо прозвучал скрежет. Как будто по стеклу снаружи провели огромным гвоздем. Элира мгновенно насторожилась.

– Они уже здесь. Просто еще не могут проявиться полностью. Но их тени – уже могут. Ваша подруга... Лика. У нее был феномен?

– Да... свет, запах...

– Это они. Они чувствуют вашу связь. Используют слабые места в реальности рядом с теми, кто вам дорог. Сейчас они

слабы, как комары. Но с каждым найденным вами осколком, с каждым вашим шагом к Колодцу, они будут становиться сильнее.

Она подошла к окну, чуть раздвинула штору. Андрей увидел, что на стекле с внешней стороны, в самом низу, где ее не было видно раньше, прочерчена тонкая, извилистая линия. Как трещина. Или руна.

– Первая метка, – без эмоций констатировала Элира. – Они помечают добычу. У вас мало времени. Вам нужно учиться. И вам понадобятся помощники здесь, в вашем мире.

– Кто? Я никому не могу это рассказать!

– Подобное притягивает подобное, Андрей Гордеев. Оглянитесь. Странные соседи. Случайные знакомые, которые говорят «многозначительные глупости». Люди, которые замечают, что дождь иногда течет вверх. Найдите их. Они уже рядом.

Она повернулась, чтобы уйти.

– Подождите! А вы? Вы мне поможете в этом?

– Нет. Я – наблюдатель. Мое вмешательство ограничено. Но я буду... на связи. Когда возьмете следующий осколок, я найду вас. До тех пор – учитесь видеть. И не доверяйте тихим голосам в голове, которые предлагают простые решения. Это они.

Элира направилась к выходу. У двери она остановилась.
– И еще. Любовь – ваш якорь. Но и ваша уязвимость. Держитесь за нее. Но будьте готовы, что ради ее спасения вам придется... отпустить.

Она вышла. Андрей стоял посреди комнаты, в гробовой тишине, нарушаемой только тиканьем часов и далеким, навязчивым ритмом, который теперь бился в его висках в унисон с осколком.

Он подошел к столу, взял холодный артефакт. Теперь он знал, что это такое. Ключ. И приманка одновременно. Он посмотрел на экран, на фотографию отца. «Он не пустой. Он смотрит».

Из глубины осколка, в ответ на его взгляд, дрогнула тусклая искра. И в ушах, чуть слышно, прошептал голос, который мог быть его воображением, а мог – первым искушающим шепотом из Нижнего Мира: ***«Найди остальные. Стань сильным. Спаси отца. Все просто...»***

Андрей сильно сжал осколок в ладони, пока острые края не впились в кожу. Боль была реальной. Ясной. Она вернула его в настоящее.

Первая задача: найти помощников. Оглядеться.

Вторая: узнать все, что можно, об отцовских экспедициях.

Третья: защитить Лику любой ценой.

Эпическое приключение началось не в далеких мирах, а здесь, в его стерильной студии, с трещины на окне и шепота в собственной голове. И первый шаг был самым страшным

– принять, что волшебство существует. И оно безжалостно.

Глава 2. Параноик, конспиролог и браслет из фольги.

Безумие одного – это трезвость мира, который тот отказывается видеть.

Первым помощником стал Марк. Хотя «помощник» – громкое слово для человека, который при встрече в подъезде первым делом спросил: «Слышал, твои счетчики тоже зомбируют?».

Марк жил этажом ниже. Дизайнер-фрилансер, специалист по мрачноватым иллюстрациям в духе «киберпанк встречается славянский миф». Он носил косуху вне зависимости от сезона и браслет, сплетенный из медной проволоки и фольги от шоколадок – «для защиты от эманаций Wi-Fi-роутера соседа сверху». Андрей всегда считал его безобидным чудиком, местным колоритом. Теперь же, после визита Элиры, он смотрел на Марка другими глазами. **«Подобное притягивает подобное».**

Они столкнулись в кофейне на углу. Марк, зарывшись в ноутбук, яростно строчил пост в свой телеграм-канал «Трещины в Матрице». Увидев Андрея, он манипулятивно поднял взгляд.

– Гордеев. Ты бледный. Как призрак, которого самого только что призвали. Случайно не ловил ночью аномалию в

районе 5-го энергоузла? – Марк щелкнул пальцами перед его лицом. – Глаза в фокусе? Не двоится?

– Что? Нет. Просто не выспался, – буркнул Андрей, заказывая двойной эспрессо.

– Не выспался, – протянул Марк с убийственной иронией. – Классика. Это они так начинают. Бессонница, потом мелкие глюки – тени краем глаза, неправильные тени от предметов, статика на пустом экране. Потом – бац! – и ты уже видишь **их** настоящие лица в толпе. Или слышишь, как город дышит. Ты уже доходил до стадии дыхания?

Андрей замер с чашкой в руке. Описание было пугающе точным. Он осторожно сел за стол Марка.

– А что такое... пятый энергоузел?

Марк огляделся по-шпионски, наклонился.

– Условное название. Место, где городская энергосеть, геомагнитная аномалия и, возможно, подземные воды создают временную **точку напряжения**. Линзу. Сквозь нее иногда просачивается... ну, ты понял. Вчера ночью там была вспышка. Не электрическая. Световая. Но не такая. – Он понизил голос до шепота. – Свет был **холодным**. И шел не откуда-то, а будто из самого воздуха. И тени падали в противоположную сторону. Я замерил. Компас на телефоне крутился волчком целых две минуты.

Андрей вспомнил слова Элиры. *«Люди, которые замечают, что дождь иногда течет вверх».*

– И часто такое?

– Чаще, чем хотелось бы, – Марк отхлебнул свой капучино. – Раньше думал, это я еду кукухой. Потом начал вести дневник. И нашел закономерность. Эти «вспышки»... они привязаны к местам, где в городе что-то **сильно и внезапно изменилось**. Не по плану. Где сломали старый дом и построили стекляшку. Где под асфальтом лежит забытый колодец или фундамент церкви. Где... ну, где много эмоций. Драки, несчастные случаи, всплески радости. Как шрамы на теле города. Через них сочится.

Это было уже чересчур похоже на «лей-узлы» из записи отца. Андрей почувствовал, как в кармане куртки осколок излучает легкий холодок, будто реагируя на слова Марка.

– А ты... веришь в параллельные миры?

Марк фыркнул.

– Верить? Друг мой, я в них **живу**. Только наш мир – самый скучный, зарегулированный и замыленный из всех. Остальные давят на нашу реальность, как соседи-дебоширы на тонкую стенку. Иногда давление прорывает. Ты вот дизайнер. Представь файл в «Фотошопе». Наш мир – это слой №1, видимый. А под ним – еще десяток невидимых слоев,

с другими картинками, цветами, текстурами. И иногда из-за глюка редактора или кривых рук пользователя (читай – всяких там магов или просто истеричных людей) слои начинают смешиваться. Получается... блюр. Артефакт. То, что мы и называем аномалией.

Эта аналогия, при всей ее бредовости, оказалась поразительно ясной. Андрей молча кивнул.

– Почему ты мне это рассказываешь? – спросил он наконец. – Все же считают тебя параноиком.

– Потому что ты сегодня первый раз **не** смотрел на меня с жалостью и мыслью «бедный сумасшедший», – честно сказал Марк. – Ты слушал. И в твоих глазах был... **узнаваемый ужас**. Знакомое чувство. Значит, и тебя уже накрыло. Добро пожаловать в клуб, Гордеев.

Они помолчали. Андрей решил.

– А если... если бы у тебя был предмет. Который мог бы... усиливать эту «смесь слоев»? Делать ее видимой?

Марк замер, и его шутовская маска на мгновение спала. В глазах вспыхнул острый, хищный интеллект.

– Тогда, друг мой, этот предмет был бы **ключом**. И мишенью. За таким охотятся все: и те, кто хочет заглянуть за занавес, и те, кто по ту сторону занавеса хочет прорваться сюда. У тебя есть такой предмет?

Вопрос повис в воздухе. Андрей колебался всего секунду. Интуиция, та самая, что теперь тихо пела в его крови, под-

сказывала: доверять.

– Есть.– Покажешь?– Не здесь.

Марк согласно кивнул, его пальцы нервно забарабанили по столу.

– Правильно. Здесь слишком много... пустых глаз. – Он кивнул на других посетителей, уткнувшихся в телефоны. – Они не видят, но они могут быть **каналами**. Слухами. Нам нужно место по тише. И с хорошей историей. Знаешь «Подвал Голубицкого»? Старая аптека, теперь – бар. Там стены помнят столько, что могут саморассказываться. И владелец... он тоже из наших. Видит вещи.

Они договорились встретиться там вечером. Когда Андрей встал, чтобы уйти, Марк окликнул его:

– Эй, Гордеев. Один совет. Начни **тренировать внимание**. Не медитацию эту дурацкую. А просто... смотри на вещи, пытаясь увидеть их **историю**. Не что это, а **как это стало таким**. Каждый скол на чашке, каждую потертость на поручне. Это лучшая защита на первых порах. Помогает отличить реальное от наведенного.

Следующие несколько часов Андрей провел, погрузившись в цифровые архивы. Он искал все, что было связано с последней экспедицией отца. Научные отчеты были скудны: «исследование малоизученных мегалитических комплексов Северо-Запада». Финансирование – частный фонд «Гиперборейские изыскания». Андрей нашел их сайт-визитку с раз-

мытыми фотографиями лесов и стандартными текстами о культурном наследии. Слишком чисто.

Зато в соцсетях одного из участников, молодого геолога, он нашел альбом с пометкой «Карелия, последняя». Там, среди стандартных палаток и костров, было несколько странных кадров. Снято ночью, с длинной выдержкой. На них запечатлен лес, а между деревьями – **светящиеся узоры**, висящие в воздухе. Не споры плесени и не эффект линзы. Сложные, геометрические, очень похожие на гравировку на осколке. Под фото был комментарий отца, который Андрей не сразу заметил: *«Сетка проявилась. Завтра идем по ней».*

И еще одна находка. На форуме уфологов-любителей, в ветке про «аномальные зоны Карелии», всплыло упоминание экспедиции Гордеева. Анонимный пользователь, подписанный как «Сторож», писал: *«Группа Гордеева искала не артефакты, а дверь. Говорят, нашли Колодец. Но Колодец, дети мои, это не источник воды. Это глаз. И он смотрит на того, кто в него заглядывает. Экспедиция не пропала. Она выглянула наружу. И то, что с той стороны... выглянуло в ответ».*

По спине побежали мурашки. Андрей сохранил скриншот. «Сторож»... Возможно, еще один «помощник»?

Он оторвался от экрана, чувствуя, как голова раскалывается от переизбытка информации. Нужна была передышка. Он позвонил Лике.

– Как ты? Все спокойно?– Пока да, – в ее голосе все еще

звучало напряжение. – Я... перебралась к подруге. На время. Тут... спокойнее. Андрей, что происходит?– Я пока и сам не совсем понимаю. Но я что-то нашел. Насчет отца. Это... сложно. Встретимся завтра, расскажу все. Обещаю.– Только будь осторожен. Мне сегодня снился... странный сон. Будто я реставрирую не книгу, а **окно**. И за стеклом кто-то есть. Он стучит. Не кулаком, а... будто веткой. Сухой, колючей веткой.

Слова Лики заставили его похолодеть. Он вспомнил скрежет по стеклу в своей квартире.

– Это просто сон, – сказал он, стараясь, чтобы голос звучал уверенно. – Я скоро все объясню.

Положив трубку, он достал осколок. Он лежал на ладони инертно. Андрей вспомнил совет Марка. *«Смотри на вещи, пытаясь увидеть их историю».*

Он уставился на осколок, не мигая, отключив внутренний диалог. Он представлял, как его откалывают от чего-то большего. Видел молот и резец (но были ли они обычными?). Чувствовал холод камня, в котором он спал тысячи лет. Воспринимал его не как предмет, а как **событие**, растянутое во времени.

И постепенно его зрение начало меняться. Края осколка как бы «размылись», и вокруг него появился слабый, переливающийся ореол – **нимб** из тех самых тончайших нитей, которые он видел в первом видении. Они тянулись от артефакта в разные стороны: одна, самая яркая – в стену, на се-

вер (к Карелии?). Другая, тонкая и нервная – вниз, к квартире Марка. Третья, едва заметная и подозрительно темная – в окно, в сторону центра города.

А еще... в самом центре осколка, в том самом круглом углублении, теперь виднелась крошечная, но отчетливая **глубина**. Как будто это был не просто рисунок, а настоящее отверстие, уходящее в бесконечность. И оттуда, из этой бесконечности, на него смотрели.

Андрей резко отложил артефакт, отдышавшись. Тренировка внимания работала. Слишком хорошо. Он не только видел больше – он становился **более видимым**. Он это чувствовал кожей.

Вечером, направляясь в «Подвал Голубицкого», он постоянно оглядывался. Город больше не был нейтральным фоном. Он был полон **знаков**. Трещина на фасаде складывалась в подозрительно правильный угол. Стая голубей, взметнувшаяся с карниза, замерла в небе на секунду, выстроившись в идеальную стрелу, указывающую как раз в сторону того самого бара. Бродячий кот, перебегая дорогу, остановился посередине, посмотрел на Андрея своими фосфоресцирующими глазами и медленно, преувеличенно, **мигнул**.

Это уже не было параноя. Это был **диалог**. Город отвечал на его пробудившееся восприятие.

«Подвал Голубицкого» оказался небольшим заведением в старом аптекарском флигеле. Воздух пах старым деревом,

травяными настоячками и табачным дымом. За стойкой стоял широкоплечий мужчина с окладистой бородой и умными, усталыми глазами – владелец, которого все звали просто Гошей.

Марк уже сидел в углу, за столиком, прикрытым высокой спинкой дивана. Он нервно тербил свой браслет из фольги.

– Ну, показывай, – без предисловий сказал он.

Андрей, оглядевшись, вынул осколок, завернутый в ткань, и положил на стол. Марк замер. Он не смеялся, не восторгался. Его лицо стало серьезным и сосредоточенным. Он достал из кармана нечто похожее на геодезический компас с добавленными самодельными антеннами.

– Можно?– Да.

Марк начал водить прибором вокруг осколка. Стрелка дергалась, зашкаливая.

– Электромагнитное поле... нулевое. Радиационный фон – в норме. А вот **гравитационная аномалия**... есть микроскопическое, но фиксируемое искажение. И... – Он поднес к осколку медную проволоку с своего браслета. Та оставалась неподвижной, но из ее конца вдруг посыпались мельчайшие искры статического электричества, бесшумные и холодные. – Он взаимодействует с проводником. Но не с электричеством, а с чем-то другим. С намерением? С вниманием?

В этот момент к их столику подошел Гоша с двумя бокалами темного пива.

– Новый экспонат для вашей кунсткамеры, Марк? – спросил он спокойно, ставя бокалы. Его взгляд скользнул по осколку, но не выразил ни удивления, ни интереса. Просто констатация факта.– Нечто большее, Гош. Кажется, нашлась отмычка.

Гоша кивнул, его взгляд стал пристальнее.

– От дверцы, что на Петроградской? Или от той, что в канализационном коллекторе на Обводном?

– От главной, – тихо сказал Андрей. – От той, что открывает все сразу.

Гоша медленно вытер руки о фартук.

– Тогда вам нужно знать три вещи. Первое: двери не любят, когда их открывают нараспашку. Второе: у каждой двери есть **сторож**. И третье... – Он наклонился, и его голос стал шепотом, – ...сторож у главной двери слеп. Он видит только намерения. И питается страхом. Чем больше боишься – тем он сильнее и ближе. Вы уже его слышали? Скрежет по стеклу? Шепот в тишине?

Андрей молча кивнул. Марк побледнел.

– Значит, он уже выбрал вас на роль... **звонка**. Чтобы вы своим страхом позвали его сюда полностью. Ваш артефакт – не просто ключ. Это приглашение.

Внезапно лампочка над их столиком **моргнула**. Не просто погасла и зажглась. Она вспыхнула ослепительно-белым, холодным светом – точно таким, как описывал Марк, – а затем погасла, оставив после себя темное, расплывчатое пятно на сетчатке. В тишине бара отчетливо послышался звук: *Шик-Шик-Шик*. Будто кто-то медленно и методично точил нож о старый булыжник.

Гоша выпрямился, лицо его стало каменным.

– Он здесь. В стенах. В трубах. Он пришел на запах ключа. Вам нужно уходить. **Сейчас**. И не вместе.

Марк судорожно завернул осколок в ткань и сунул его Андрею в руки.

– Беги. Домой. Не оглядывайся. Я отвлеку.– Как?!– У меня есть... пиротехника, – криво усмехнулся Марк, роясь в рюкзаке. – И громкий голос. Гош, пора «Гром-3».

Гоша кивнул и тяжелой походкой направился за стойку, к старой, допотопной панели с рубильниками.

Андрей, сжимая осколок, бросился к выходу. За его спиной раздался оглушительный **хлопок**, не похожий на взрыв, а скорее на звук лопнувшего воздушного шара размером с дом, и ослепительная вспышка синеватого света, отбросившая его тень на дверь. И сквозь грохот он услышал другой звук – яростный, скрежещущий визг, чистой, немислимой злобы.

Он выскочил на улицу и побежал, не разбирая дороги. Холод осколка обжигал ладонь. Город вокруг больше не шептал. Он **орал** всеми своими трещинами, фонарями и темными окнами. Одна мысль гвоздем сидела в голове: «Он теперь знает, где я живу. И знает про Лику».

Добравшись до своего дома, он влетел в подъезд. Лифт не работал – лампочка в кабине мигала той же мертвой белизной. Он побежал по лестнице. На своей этажной площадке он замер.

Дверь в его квартиру была **приоткрыта**. Все замки – электронный и два механических – были молчаливо открыты. Из щели между дверью и косяком струился бледный, не

отбрасывающий тень свет.

А внутри, в глубине тихой квартиры, что-то звонко и равномерно **капало**.

Андрей застыл на пороге, сжимая в кармане осколок. Холод от него уже не просто проникал в руку – он поднимался по руке к плечу, к виску, предлагая странное, ледяное **бесстрашие**. И шептал на грани слуха: *«Заходи. Он уже ушел. Он оставил тебе... послание. Войди и увидишь.»*

Это был голос Сторожа. И впервые Андрей не мог понять: говорит ли это демон из Нижнего Мира... или тихое, темное желание его собственной души – наконец-то увидеть все как есть, без прикрас и замыленных стекол.

Он сделал шаг вперед. Дверь с тихим скрипом подалась.

Глава 3. Шепот в каплях

Страх – это пища. Но только если позволить ему себя съесть

Дверь отворилась беззвучно, впустив его в иную версию собственного дома.

Воздух был неподвижен, густой и холодный, словно в склепе. Свет, лившийся из гостиной, оказался не электрическим. Он исходил от **стены**. Точнее, от огромного, причудливого узора, который теперь покрывал ее от пола до потолка. Это был иней, но не белый, а с синеватым отливом, как на старинных витражах в мороз. Узор повторял гравировку на осколке, но был развернут, сложнее, как разветвленная карта кровеносной системы или схема тоннелей.

Именно с этого узора **капало**. С кончиков ледяных сталактитов, намерзших по нижнему краю рисунка, падали тяжелые, маслянистые капли. Они не растекались по полу. Они скапливались в центре комнаты, образуя идеально круглую, темную лужу, поверхность которой была неправдоподобно гладкой и, казалось, отражала не потолок, а какую-то иную,

звездную черноту.

Андрей стоял на пороге, дыхание стелилось белым облачком. Осколок в его кармане пылал ледяным огнем, и тот странный, ясный холод в голове нарастал, заглушая страх. Он шагнул внутрь.

Пол под ногами хрустел. Он посмотрел вниз: весь паркет был покрыт тончайшей пленкой белого инея, но под ней проступали... **следы**. Не человеческие. Длинные, с тремя узкими пальцами и глубокими царапинами от когтей. Они петляли по комнате, сходились к ледяной стене и к луже, а потом обрывались у самого дивана, будто существо просто растворилось в воздухе.

«Послание», – вспомнил он шепот.

Он пошел по следам, минуя лужу (инстинкт кричал не приближаться), и подошел к стене с инеем. Холод от нее был физическим ударом. Присмотревшись, он увидел, что линии узора – не сплошные. В определенных точках, где сходились несколько линий, иней был тоньше, и сквозь него проглядывала стена. Там, на обоях, кто-то процарапал что-то острым. Он стер лед рукавом.

Это были **цифры**. Географические координаты. И ниже – строчка, выведенная корявым, торопливым почерком, который он узнал бы из тысячи: *«Сыну. Ищи не там, где светит, а где тень лежит на старых костях. Первый ключ в ритме падающей воды. Прости»*.

Почерк отца. Но как?..

Внезапно гладь черной лужи в центре комнаты **вздыбилась**. Из нее, как из нефтяного источника, медленно поднялся столб той же темной, вязкой субстанции. Он колебался, принимая смутные очертания – то ли человеческой фигуры, то ли спутанных корней, то ли огромной, скрюченной руки. Воздух наполнился звуком – не скрежетом, а низким, булькающим **ворчанием**, полным голода и невыразимой досады.

– Уходи... отсюда... – просипел голос в голове Андрея, но это был уже не шепот осколка, а его собственный, инстинктивный крик выживания.

Столб темноты качнулся в его сторону. Андрей отпрянул к выходу, но следы на полу вдруг **вспыхнули** синим пламенем. Огненные линии сомкнулись за ним, отрезая путь к двери, образуя пылающий круг. Ловушка.

Существо из лужи протянуло к нему темный, капающий щупалец. Холод осколка достиг виска, и мир снова переключился. Андрей увидел не чудовище, а **пучок спутанных, рвущихся нитей**, черных и липких. Он увидел, как от него самого к существу тянется тонкая, серая нить – нить страха. И увидел другую нить – ярко-золотую, идущую от осколка в его кармане прямо в ледяную стену, в точку с координатами.

Инстинкт кричал: «Разорви связь!». Но как? Он вспомнил слова Гоши. *«Он питается страхом»*. И слова Элиры. *«Управляйте вниманием»*.

Андрей заставил себя выпрямиться. Он вынул осколок из кармана и, не глядя на тварь, уставился на золотую нить, ве-

дущую в стену. Он сосредоточил на ней **все свое внимание**

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.